

Операция «Вуду»

Бретт Сойер

18+

Бретт Сойер

Операция «Вуду»

«Автор»

2026

Сойер Б.

Операция «Вуду» / Б. Сойер — «Автор», 2026

После гибели своего пса журналистка Анна Бойко выходит на сеть догхантеров. Но отравленные животные оказываются только тренировкой: за форумами, фальшивыми экспертизами и техниками дегуманизации скрывается система, готовая переключиться с собак на людей — и на целую страну.

© Сойер Б., 2026

© Автор, 2026

Бретт Сойер

Операция «Вуду»

Настоящий текст представляет собой художественное произведение. Персонажи, сюжетные линии, организации, события и описанные обстоятельства являются вымышленными либо переосмыслены автором в художественной форме. Возможные совпадения с реальными людьми, организациями, компаниями или историческими событиями не являются умышленными.

Пролог

Москва, отделение реанимации Первой градской больницы, февраль 1976 года.

Аппарат ИВЛ выдыхал ровно, механически, как будто ему было всё равно. Виктор Гаврилович Панкратов — инженер шестидесяти трёх лет лежал под простынёй с обнажённым плечом, и в это плечо санитар Саша Дворкин только что ввёл содержимое шприца, которое не значилось ни в одном листе назначений.

Ночная медсестра Тамара Игнатьевна дремала за стойкой в конце коридора — за это её потом уволят, но не сейчас. Сейчас в палате было тихо, только капало из системы да шелестела бумага, которую Саша аккуратно подложил обратно в папку.

Панкратов открыл глаза. Не сразу — сначала дёрнулось веко, потом второе. Взгляд у него был мутный со сна и морфия, но когда он остановился на лице склонившегося санитара, что-то в этом взгляде изменилось. Не страх ещё. Удивление.

— Пить, — прохрипел Панкратов.

— Сейчас, — сказал Саша и не пошевелился.

Он смотрел, как меняется дыхание — сначала чаще, потом рвано, потом с паузами, которые становились длиннее одна другой. Он держал руку на запястье старика, не считая пульс, а просто ощущая, как тот уходит, будто вода в сливе, которую можно было бы придержать ладонью, но незачем.

— Ты не представляешь, — сказал Саша тихо, почти нежно, наклонившись к самому уху умирающего, — как меняется взгляд человека, когда он понимает, что я вливаю в него его собственную смерть.

Панкратов не мог ответить. Его глаза, всё ещё открытые, смотрели куда-то мимо санитара — в потолок, покрашенный в больничный зелёный, туда, где раньше, наверное, представлялось небо. Саша проследил за этим взглядом и тоже посмотрел вверх. Потолок как потолок. Трещина у вентиляционной решётки, пятно от протечки, лампа дневного света, одна из трёх не горит уже вторую неделю.

Пусто.

Он досчитал до сорока — про себя, не по секундной стрелке, а просто считая удары в запястье старика, всё реже, реже, — и когда досчитал до конца, положил руку Панкратова обратно на простыню, аккуратно, как раскладывают вещь, которой больше не будут пользоваться.

Утром дежурный врач Ким Борисович подпишет: «Острая сердечно-сосудистая недостаточность на фоне основного заболевания». Восьмая смерть, пришедшаяся на его дежурства за последние три месяца. Санитары в столовой уже шутили за его спиной — «лёгкая рука у Сашки, кто под его дежурство попадает, тот не жилец», — но шутили без злобы, потому что в реанимации умирают, это не тайна, это работа такая.

Саша вымыл руки в раковине у входа в ординаторскую, тщательно, между пальцами, и посмотрел в маленькое зеркало над краном. Оттуда на него смотрел двадцатилетний парень с бледным лицом и внимательными, будто фотографирующими глазами. Он не улыбался. Он

просто смотрел, как смотрят на редкий экземпляр под увеличительным стеклом — с интересом, без сочувствия.

Через два месяца он уволится «по собственному желанию» — в трудовой книжке так и запишут, — и уедет из Москвы автостопом, без денег, без вещей, по трассе на юг, будто в отделении случилось что-то, из-за чего оставаться в городе стало невозможно. Никто не спросит его, почему. Никто не сопоставит восемь смертей, пришедшихся на его дежурства за три месяца, с почерком восемнадцатого века — «слишком тихо, слишком легко, слишком вовремя».

Он будет идти по трассам полгода. Где-то в Ставрополье, ночуя в кузове грузовика с арбузами, он впервые запишет в тетради фразу, которую потом повторит десятки раз, десяткам людей, в разных городах и на разных языках: «Бога нет. Есть только абсолютно пустое небо».

Он проверял это каждую ночь, глядя вверх с очередной обочины. Никто не приходил. Никто не спасал тех, кто верил, что их спасут. И раз так — решил он где-то между Ростовом и Тбилиси, — то место спасителя вакантно. А вакансии, как известно, не терпят пустоты дольше положенного срока.

Через тридцать пять лет в другом городе, в другой стране, женщина по имени Анна Бойко выйдет утром во двор дома на улице Львовской в Киеве и увидит своего пса лежащим на боку у мусорных баков — неподвижно, с розовой пеной у пасти. Она ещё не будет знать, что вакансия, объявленная где-то на ставропольской трассе в 1976 году, к тому моменту уже давно занята, и что след от неё тянется через её собственный двор.

Глава 1. Розовый снег на Львовской

Декабрьский утренний воздух обжигал гортань колючим холодом. Двор дома по Львовской улице еще тонул в сизых сумерках, когда скрипнула металлическая дверь подъезда. Брезентовый поводок с потертым карабином привычно холодил ладонь. Обычно Гром, крупный метис овчарки с нелепым белым пятном на левом ухе, выбегал на улицу первым, натягивая стропу так, что звенели кольца ошейника. Этим утром поводок болтался без дела — собака выскочила во двор еще десять минут назад, пока хозяйка искала ключи.

Тишина стояла абсолютная, глухая, нарушаемая лишь отдаленным гулом уборочной машины с проспекта. У мусорных баков, где вечно крутились местные коты, виднелось темное пятно.

Сначала показалось, что Гром просто нашел выброшенную кем-то кость и теперь увлеченно грызет ее, припав к мерзлому асфальту. Шаги по хрустящему насту гулко разносились в стылом воздухе. Подойдя ближе, можно было разглядеть неестественно вывернутую заднюю лапу пса. Шерсть на загривке стояла дыбом, но сам он не шевелился.

Карабин выскользнул из онемевших пальцев и звякнул о лед.

Гром лежал на боку. Глаза были открыты, остекленевший взгляд упирался в кирпичную стену бойлерной. Вокруг приоткрытой пасти, на примятом снегу, застыла густая розовая пена. Она резко контрастировала с грязновато-белым покровом двора, выглядела химической, чужеродной, словно кто-то пролил здесь дешевый фруктовый сироп. Но запаха сиропа не было. Пахло сыростью, псиной и чем-то резким, медикаментозным.

Колени сами подогнулись. Пальцы в тонких перчатках коснулись жесткой шерсти на боку пса — тело еще хранило остатки тепла, но грудная клетка уже не вздымалась. Никаких следов крови, никаких ран. Только эта едкая розовая слюна, вмерзшая в лед.

Спустя два часа кабинет участкового встретил посетительницу запахом застарелого табака. Капитан милиции Гнатюк, тучный мужчина с серым от недосыпа лицом, методично перекладывал бумаги на столе, стараясь не смотреть на сидящую напротив женщину.

— Поймите меня правильно, Бойко, — голос Гнатюка звучал монотонно, как заезженная пластинка. — Я вам сочувствую. Хорошая была собака, крупная. Но вы от меня чего хотите? Чтобы я опергруппу вызывал? План-перехват объявлял?

— Я хочу, чтобы вы зафиксировали факт отравления, — голос дрогнул, но фраза прозвучала твердо. — Там на снегу остались следы. Это яд. Кто-то намеренно разбросал отраву в жилом дворе, где гуляют дети.

Ручка в пальцах участкового раздражающе шелкнула. Он придвинул к себе бланк и начал заполнять шапку, тяжело опираясь локтем о столешницу.

— Собака — не человек. Состав преступления здесь нет. Ущерб имуществу? У вас на нее чеки есть, родословная за тысячу долларов? Нет. Дворняга. Жестокое обращение? Так никто ее не бил при свидетелях. Съела что-то на помойке, бывает. Крысиный яд дворники рассыпали, или бомжи какую-то дрянь выкинули.

— Дворники не сыпят крысиный яд прямо на снег у детской площадки. Это были розовые пятна. Я сфотографировала на телефон.

Экран старенького смартфона лег поверх стопки отказных материалов. Гнатюк мазнул по нему равнодушным взглядом.

— Розовый снег. Очень поэтично. Анна Сергеевна, вы же вроде журналистка? Вот и напишите статью о том, как опасно выгуливать животных без намордника. А я дело заводить не буду, прокуратура мне этот материал в тот же день завернет с пометкой «отсутствие состава преступления». Забирайте труп, везите в клинику на утилизацию. И подпишите вот здесь, что претензий не имеете.

Спорить с этой стеной ведомственного безразличия было бесполезно. Кабинет давил теснотой, гудение старого системного блока под столом ввинчивалось в виски. Поставив неровную подпись внизу бланка, Анна молча вышла в коридор.

Возвращение во двор далось тяжело. Тело Грома уже забрал вызванный знакомый ветеринар, оставив после себя лишь выскобленный до асфальта участок снега. У соседнего подъезда, ритмично взмахивая метлой, работала дворничиха. Чуть поодаль, кутаясь в пуховую шаль, топталась на месте Людмила Тарасовна — пенсионерка со второго этажа, чья крошечная болонка сейчас суетливо обнюхивала заледевший куст.

— Анечка, деточка, — старушка первой бросилась навстречу, прижимая варежку к губам. — Мне Степановна сказала уже. Горе-то какое! Громик, умница такой был, никогда не лаял попусту...

— Людмила Тарасовна, вы вчера вечером с Жужей когда гуляли? — перебивать было невежливо, но времени на долгие соболезнования не оставалось. Внутри зрела холодная, острая злость.

Пенсионерка заморгала, переключаясь с причитаний на конкретный вопрос.

— Так после вечерних новостей и вышли. Часов в десять. Темно уже было, фонарь у нас, сама знаешь, через раз горит.

— Никого чужого у баков не видели? Или, может, кто-то из своих крутился?

Болонка натянула тонкий поводок-рулетку, пытаясь подобраться к тому самому месту у стены бойлерной. Людмила Тарасовна резко дернула собачку на себя.

— Чужих не видела. А вот Кольку видела. Соколовского, из третьего подъезда.

Метла дворничихи на секунду замерла в воздухе и снова зашуршала по асфальту.

— Что он делал?

— Да странный он был какой-то. В куртке своей этой черной дутой. Стоял у баков, курил. А потом из пакета полиэтиленового что-то сыпанул прямо в сугроб. Я еще подумала — мусор, что ли, донести не может, прям на снег бросает? Сделала ему замечание, а он зыркнул так недобро, капюшон натянул и в подъезд юркнул. Жужа еще рычала на него, она Кольку этого терпеть не может.

Слова соседки зацепились за сознание, как репейник. Николай Соколовский. Тридцать с небольшим, нигде толком не работает, часто скандалит с соседями из-за парковочных мест. Неделю назад Гром облаял его у подъезда, когда тот пнул бездомного кота.

Оставив пенсионерку, Анна подошла к нетронутому участку снега чуть в стороне от того места, где лежал пес. Присев на корточки, она присмотрелась. На белом фоне четко выделялись несколько гранул. Бледно-розовые, размером с горошину, они слегка подтаяли по краям, впитавшись в ледяную корку. Это не было похоже ни на крысиную отраву из хозмага, ни на удобрения. Осторожно, чтобы не касаться голыми руками, она подцепила одну гранулу ключом и сбросила в пустой спичечный коробок, найденный в кармане куртки.

Квартира встретила звенящей пустотой. В прихожей по-прежнему лежал потрепанный коврик, на кухне стояла миска с недоеденным вчерашним кормом. Стараясь не смотреть на эти вещи, Анна прошла в комнату и открыла ноутбук.

До сегодняшнего дня ее журналистская работа сводилась к написанию колонок для городской рубрики. Она писала о вырубке старых каштанов, о затянувшейся реконструкции теплотрасс, о новых лавочках в скверах. Криминал, расследования, кровь — все это оставалось по ту сторону экрана, в разделах происшествий, куда она старалась не заглядывать.

Поисковая строка браузера мигнула курсором. Пальцы быстро набрали: «розовый снег отравление собак».

На странице поиска мелькнула ссылка на одесский новостной портал. Статья была датирована концом ноября 2011 года, всего три недели назад. Заголовок гласил: «Массовая гибель животных в спальнях районах Одессы: милиция бездействует».

Кликнув по ссылке, Анна впилась глазами в экран. Текст описывал точно такую же картину: утренние прогулки, судороги, розовая пена у пасти. Но главное было в другом. К статье прилагалась фотография, сделанная кем-то из местных жителей. На снимке крупным планом лежали похожие гранулы — бледно-розовые, с характерной неровной текстурой. Подпись гласила: «По предварительной версии ветеринаров, в приманке мог находиться противотуберкулезный препарат, который связывали с отравлениями собак. Сам препарат относится к рецептурным, хотя владельцы животных жалуются, что на практике его удастся купить и без рецепта».

Одесса. Ноябрь. Десятки случаев. Киев. Декабрь. Ее собственный двор.

Это не было случайностью. Бомжи не покупают специфические лекарства в аптеках, чтобы смешивать их в правильных пропорциях. Это была технология. Инструкция, передаваемая из рук в руки, от города к городу. И кто-то в ее дворе этой инструкцией воспользовался.

Открыв админку своего блога на платформе городского издания, она начала печатать. Текст ложился на виртуальную бумагу рвано, жестко. Она не подбирала метафор, не пыталась сделать абзацы красивыми. Она писала о том, как полиция отказывается выезжать на вызовы. О розовых пятнах на снегу. О том, что препарат, убивающий собак в муках, продается без рецепта.

Вставив фотографию гранул, сделанную утром на телефон, она на мгновение замерла. Журналистская этика требовала проверки фактов. Правило двух источников, презумпция невиновности. Но перед глазами стоял остекленевший взгляд Грома.

В последнем абзаце она напечатала: «Соседи видели, как накануне вечером отраву у мусорных баков разбрасывал жилец третьего подъезда Николай Соколовский. Пока милиция отказывается заводить дела из-за “отсутствия состава”, убийцы спокойно ходят рядом с нами».

Кнопка «Опубликовать» щелкнула под пальцем. Статья ушла в сеть.

Остаток дня прошел как в тумане. Нужно было отвечать на звонки редактора, который сначала ругался за самоуправство, а потом, увидев растущие просмотры, сменил гнев на милость. Нужно было вынести из прихожей поводок и спрятать его в дальний ящик шкафа.

Ближе к полуночи Анна обновила страницу блога. Под постом уже скопилось около сотни комментариев. Большинство выражало сочувствие, кто-то делился похожими историями из других районов Киева. Но один комментарий, появившийся всего десять минут назад, заставил внутренности сжаться от неприятного холода.

Пользователь без аватарки, зарегистрированный под ником *Doghunter_Odessa*, оставил короткое сообщение:

«Зря ты имя написала. Собака — это просто мусор, а вот за клевету придется ответить. Занимайся своими делами, писательница. Пока есть чем писать».

Курсор мыши завис над кнопкой «Удалить комментарий». Угроза из интернета — обычное дело для любого популярного текста. Тролли питаются вниманием. Но никнейм с упоминанием Одессы бил точно в цель. Они мониторили публикации. Они отслеживали реакции.

Экран ноутбука погас, погрузив комнату во тьму, но сон так и не пришел. Каждая проезжающая за окном машина заставляла прислушиваться.

Утро началось не с будильника, а с резкой трели мобильного телефона. На часах было половина восьмого. На экране высветился незнакомый городской номер.

— Да? — голос спросонья прозвучал хрипло.

— Анна Сергеевна Бойко? — мужской голос на том конце провода был поставленным, гладким и абсолютно безэмоциональным. Так говорят дикторы новостей или автоответчики в банках.

— Кто это?

— Меня зовут Алексей. Я представляю интересы Николая Соколовского. Вчера вы опубликовали материал, в котором прямо обвинили моего клиента в совершении преступления, опираясь на показания пожилой женщины, страдающей катарактой.

Сон слетел мгновенно. Анна села на кровати, натягивая одеяло на плечи.

— Ваш клиент разбрасывал отраву...

— Мой клиент вчера вечером выносил строительный мусор, — мягко, но с нажимом перебил адвокат. — И у нас есть свидетели. А вот у вас, Анна Сергеевна, есть статья за клевету в публичном пространстве. И иск о защите чести и достоинства, который ляжет на стол судьи ровно в полдень, если пост не исчезнет.

— Вы адвокат? — она попыталась перехватить инициативу. — Откуда у Соколовского деньги на адвоката? Он за коммуналку полгода не платит.

Короткий смешок в трубке прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки.

— Юридическая помощь бывает и на общественных началах. Для тех, кто страдает от травли некомпетентных журналистов. У вас есть два часа, чтобы удалить публикацию и написать опровержение. Иначе вам придется оплачивать из своего кармана не только судебные издержки, но и моральный ущерб. А суды у нас, как вы знаете, работают куда эффективнее участковых, когда дело касается правильных людей.

Связь оборвалась. Короткие гудки отдавались в ухе ровным, механическим ритмом.

Анна опустила телефон на колени. За окном занимался бледный зимний рассвет. Дворник снова скреб лопатой по асфальту, счищая свежий снег, выпавший за ночь. Вчерашние розовые пятна наверняка уже скрылись под белым слоем, исчезли, как будто их никогда не было. Но механизм, запущенный вчера на Львовской улице, уже начал вращаться, и его шестеренки оказались куда крупнее, чем мог вообразить равнодушный участковый в своем прокуренном кабинете. Убийство собаки было лишь первым, самым тихим аккордом в партитуре, которая только начинала звучать. И кто-то уже написал для нее ноты.

Глава 2. Совпадения, которые нельзя доказать

Таблица состояла из сорока семи строк. Распечатанный на старом лазерном принтере лист формата А4 лежал на деревянном столе шумной кофейни у Контрактовой площади, придавленный тяжелой керамической чашкой остывшего американо. Первая колонка содержала точные даты. Вторая — улицы, дворы и парки Киева. Третья, самая узкая, фиксировала тип использованного вещества, если ветеринарам удавалось его установить после вскрытия.

Анна провела колпачком шариковой ручки по трем последним строкам, датированным концом января. За панорамным окном кофейни валил густой, мокрый снег, превращая спе-

шащих прохожих в сгорбленные темные силуэты. Кофемашина за барной стойкой ритмично шипела, выпуская облака пара. Дверь заведения с лязгом открылась, впуская ледяной уличный сквозняк и мужчину в потертой зеленой штормовке.

Вошедший остановился у входа и оглядел зал цепким, сканирующим взглядом. Заметив лежащую на столе распечатку, он уверенно направился к угловому столику. Пётр Гнатюк оказался полной противоположностью своему однофамильцу-участковому, с которым Анне довелось общаться в прокуренном кабинете месяц назад. Худой, жилистый, с глубокими залысинами и аккуратно подстриженной бородкой, он двигался резко, но без лишней суеты.

— Бойко? — спросил он, придвигая стул с металлическим скрипом.

— Да, — кивнула она. — Садитесь. Кофе?

— Чай. Черный, без сахара.

Пока официантка принимала заказ, Пётр расстегнул куртку и выложил на стол толстую пластиковую папку. По образованию инженер-системотехник, он не был похож на типичного зоозащитника, какими их обычно рисовала пресса — никаких эмоций, надрыва или причитаний. Только сухая методичность человека, привыкшего работать с массивами данных.

— Я читал вашу статью, — начал он, едва официантка отошла к соседнему столику. Голос у него был тихий, но плотный, без интонационных скачков. — Вы сделали тактическую ошибку, назвав имя этого соседа.

— Он разбрасывал приманки у детской площадки.

— Возможно. Но вы дали им повод перевести дело в плоскость гражданского иска о защите чести и достоинства. Теперь милиция вообще не будет искать реальные улики на месте, они просто подошьют это к материалам как бытовой соседский конфликт.

Анна сцепила пальцы в замок, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

— Адвокат звонил мне в тот же день. Угрожал судом и колоссальными штрафами.

— И вы удалили текст?

— Нет. Я скрыла его из общего доступа до выяснения обстоятельств. Редактор настоял, чтобы мы не лезли на рожон без железной доказательной базы.

Пётр усмехнулся, пододвигая к себе распечатку Анны.

— Сорок семь случаев, — он постучал сухим пальцем по бумаге. — Это только те, что я смог достоверно подтвердить через закрытые форумы владельцев и выписки из ветеринарных клиник с июля прошлого года. Реальная цифра по городу втрое больше. Вы пытаетесь поймать одного исполнителя в своем дворе. А смотреть нужно на систему целиком.

Он открыл свою папку. Внутри аккуратными стопками лежали листы с графиками, распечатки с региональных новостных сайтов и подробные карты города с нанесенными маркером точками.

— Давайте поиграем в совпадения, Анна Сергеевна.

Инженер достал из внутреннего кармана сложенный вдвое лист плотной бумаги и развернул его поверх карты районов. Это был обычный настенный календарь за прошедшие полгода, но некоторые даты были обведены синим маркером, а другие — красным.

— Синие кружки — это пики массовых отравлений. Дни, когда в дежурные клиники поступало по пять-семь животных за один вечер. Троещина, Оболонь, Дарница. Густонаселенные спальные районы.

Анна наклонилась ближе, изучая цветовую разметку.

— А красные?

— А красные — это политическая жизнь столицы и страны в целом.

Пётр достал шариковую ручку и начал соединять разноцветные кружки прямыми линиями.

— Девятое сентября. Массовый падеж собак на Борщаговке. В этот же день в центре Киева проходит крупный митинг независимых профсоюзов, протестующие перекрывают Кре-

щатик. Третье ноября. Отрава разбросана на Русановке. В центре — жесткие столкновения возле здания Верховной Рады, толпа ломает металлическое ограждение. Пятнадцатое декабря. Снова Оболонь, паника в местных пабликах, люди боятся выходить на улицу. А на Майдане Независимости в это время спешно стягивают внутренние войска из-за несанкционированной акции оппозиции.

Ручка замерла над плотной бумагой.

— Одиннадцать точных совпадений, — тихо сказал Пётр, глядя Анне прямо в глаза. — В нашей выборке из сорока семи зафиксированных нами крупных инцидентов одиннадцать произошли день в день с массовыми акциями протеста в центре города.

Анна перевела взгляд с исполосованного линиями календаря на спокойное лицо инженера.

— Вы хотите сказать, что кто-то намеренно убивает дворняг, чтобы отвлечь внимание от митингов? Это звучит как классическая теория заговора. Кому какое дело до собак на окраинах, когда в правительственном квартале политический кризис?

— Дело не во внимании прессы, — Пётр отпил принесенный чай, поморщившись от крепости заварки. — Дело в физических ресурсах правоохранительных органов. Когда на Троещине за один вечер бьются в конвульсиях десять животных на глазах у гуляющих детей, местные жители впадают в истерику. Они начинают обрывать телефоны дежурных частей. Начинаются стихийные сходы дворами, люди требуют немедленного приезда нарядов милиции, угрожают устроить самосуд над подозрительными прохожими. Районные отделы вынуждены реагировать на угрозу нарушения общественного порядка.

Он выдержал долгую паузу, давая тяжелой информации осесть в сознании собеседницы.

— А теперь представьте ситуацию с другой стороны. Именно в этот день, по экстренному приказу городского управления, усиленные наряды патрульно-постовой службы сняты со своих обычных маршрутов в спальных районах и переброшены в центр для оцепления правительственных зданий. На местах в огромных районах остаются только дежурные следователи и пара сонных участковых.

Анна почувствовала, как по спине пробежал неприятный, колючий холодок.

— Районы остаются абсолютно голыми, — произнесла она, складывая пазл.

— Именно. Идеальное время для любых силовых провокаций. Идеальное время для обкатки логистики и тренировки личного состава.

— Кто они? У них есть какое-то название, структура?

— Они называют себя «догхантеры».

Слово резануло слух. Англицизм звучал стерильно, почти профессионально, как название IT-стартапа.

— Я видела это слово на форумах собаководов, — сказала Анна, не отрываясь от записей. — Думала, это просто хлесткий ярлык, который придумали мои коллеги-журналисты для красного словца.

— Нет. Это их собственное самоназвание. Они гордятся им. Считают себя санитарями города, элитой, очищающей улицы от мусора.

Пётр достал из внутреннего кармана куртки смартфон, разблокировал экран и открыл скрытую галерею.

— Я пытался отследить их координацию в сети. В открытом доступе они общаются туманными намеками, используют специфический сленг, понятный только своим. Но есть закрытые площадки, где они сбрасывают маски.

Он повернул экран телефона к Анне. На цифровой фотографии был запечатлен монитор стационарного компьютера. Темный, почти черный фон страницы, агрессивный красно-белый дизайн блоков. В левом верхнем углу готическим, ломаным шрифтом значилось название ресурса: «Вреди».

— Замкнутый форум, — сухо пояснил Пётр. — Регистрация возможна только по прямым приглашениям от действующих участников с высоким рейтингом доверия. Никаких случайных прохожих. Я пытался пробиться туда под видом сочувствующего живодеда, создал правдоподобную легенду, но на этапе технической проверки IP-адреса и истории социальных сетей меня мгновенно заблокировали.

На размытом скриншоте отчетливо виднелась структура тематических разделов. «Обмен опытом: рецептуры», «Юридическая поддержка при задержании», «СМИ о нас: анализ врага». И сухая статистика в самом низу страницы: более тысячи активных пользователей онлайн.

— Мне нужно поговорить со следователем, — медленно произнесла Анна, отодвигая телефон инженера. — С кем-то, кто видит эту картину изнутри правоохранительной системы.

— Удачи, — криво усмехнулся Пётр, забирая смартфон. — Они сейчас глухи и слепы, как бетонная стена.

— У меня есть надежный контакт в Дарницком районном управлении. Он вел сложное дело о краже оборудования из нашей редакции два года назад. Нормальный, адекватный мужик, не растерявший совесть.

Вечерний Киев безнадежно утонул в серой слякоти. Желтые, тусклые фонари выхватывали из темноты мокрые спины редких прохожих и блестящие от талого снега крыши припаркованных машин.

Автомобиль «Шкода» с наглухо тонированными задними стеклами стоял в глухом, неосвещенном переулке за кирпичным зданием районного управления милиции. Двигатель монотонно работал на холостых оборотах, старая печка гнала в тесный салон сухой, обжигающий воздух, густо смешанный с едким запахом дешевых сигарет «Прилуки».

Следователь Кравченко сидел за рулем, нервно постукивая короткими пальцами по потертой оплетке руля. Ему было около сорока лет, но под глазами залегли такие глубокие, темные тени от хронического недосыпа, что он казался старше. Форменную куртку с погонами он небрежно бросил на заднее сиденье, оставшись в растянутом шерстяном свитере.

Анна сидела на пассажирском месте, плотно запахнув полы пальто и держа руки в карманах.

— Ты вообще понимаешь, что подставляешь меня одним своим присутствием в этой машине? — Кравченко глубоко затянулся сигаретой, приоткрыв боковое окно на пару сантиметров. Сизый, горький дым тут же вытянуло наружу ледяным сквозняком.

— Володя, мне нужна только неофициальная информация. Без имен, без диктофонов, без протоколов.

Он хмыкнул, стряхивая серый пепел в щель приоткрытого окна.

— Неофициальная. Ты журналист, Аня. В вашей профессии не бывает неофициальной информации. Всё, что сказано в темноте, рано или поздно всплывает на первых полосах в печати.

— Я не упомяну тебя. Даже отдаленным намеком. Источник останется анонимным.

Кравченко долго, не мигая, смотрел на темный фасад соседнего административного здания. В его собственном кабинете на третьем этаже сейчас ярко горел свет — он специально оставил настольную лампу включенной, чтобы дежурный по отделу думал, будто следователь с головой зарыт в изучение материалов очередного дела.

— Что у тебя? — наконец спросил он глухо, не поворачивая головы.

Анна достала из сумки сложенный лист с аналитической таблицей Петра и положила его на пластиковую приборную панель, прямо под тусклую лампочку подсветки.

— Массовые отравления животных. Десятки задокументированных случаев по всему городу. Абсолютно одинаковый почерк, одинаковые препараты.

Следователь даже не коснулся глаза на бумагу.

— Я в курсе.

— Тогда почему до сих пор нет ни одного объединенного уголовного дела? Почему районные участковые, как под копирку, добиваются отказов в возбуждении дел по статье за жестокое обращение? Вы же прекрасно видите, что это не случайность и не разрозненные хулиганы.

Кравченко тяжело, со свистом вздохнул, с силой раздавил окурки в переполненной пепельнице и медленно повернулся к Анне.

— Потому что мы получили негласную установку сверху не раздувать эту историю.

В тесном салоне автомобиля повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая только мерным гудением вентилятора печки.

— Какую установку?

— Спустить всё это дело на тормозах.

Слова прозвучали пугающе обыденно, без всякого драматизма, и от этой канцелярской скуки стало еще страшнее.

— Когда именно?

— В середине декабря, — следователь устало потер переносицу двумя пальцами. — Как раз после тех крупных, резонансных инцидентов на Оболони. У нас тогда дежурная часть просто разрывалась от звонков. Люди в истерике несли трупы своих собак прямо в холл отделения. Начальник уголовного розыска собрал весь первичный материал, хотел передавать рапорт в городское управление, просить официального создания сводной следственно-оперативной группы.

— И что произошло потом?

— Был звонок. Кому конкретно звонили — я не знаю, такие вещи рядовым следякам не докладывают. Но на утренней планерке на следующий день начальник отдела выглядел так, будто проглотил битое стекло. Сказал, что у нас всяких по квартирным кражам и грабёжам полно, не хватало еще собачьими трупами статистику раскрываемости портить. Все собранные материалы по отравлениям было приказано списывать в номенклатурное дело как не имеющие состава уголовного преступления.

Анна почувствовала, как горло перехватывает спазм. Одно дело — подозревать ленивое безразличие бюрократической системы, и совсем другое — слышать подтверждение о прямом, осознанном приказе саботировать расследование.

— Володя, кто обладает полномочиями отдать такой приказ? Городское управление МВД? Городская прокуратура?

Кравченко криво, безрадостно усмехнулся.

— Аня, ты рассуждаешь как студентка первого курса журфака. Чтобы заставить районного начальника закрыть глаза на массовые письменные заявления граждан, особенно когда пресса уже начинает задавать неудобные вопросы, звонок должен быть невероятно весомым. Это уровень профильного министерства. Или даже выше.

— Из-за бродячих собак? — искренне не поверила Анна. — На уровне целого министерства покрывают уличных живодеров? Какой в этом смысл? Зачем им это нужно?

Следователь достал из помятой пачки новую сигарету, но прикуривать не стал, просто нервно крутил ее в загрубевших пальцах.

— Я не знаю зачем, — очень тихо сказал он, глядя прямо перед собой. — Но я слишком давно работаю и знаю, как функционирует эта система. Если сверху настоятельно просят не поднимать шум вокруг какой-то организованной группы лиц, значит, эта группа выполняет для них какую-то грязную, но нужную работу. Какую именно — я знать не хочу. И тебе, ради твоего же блага, не советую лезть в это болото.

— У меня отравили пса прямо под окнами моей квартиры.

— Заведи нового, — жестко, почти жестоко отрезал Кравченко. — Я говорю абсолютно серьезно. Ты не понимаешь, с какими силами пытаешься бодаться. Эти ребята с закрытых форумов... они уже чувствуют свою полную безнаказанность. Когда человек с ядом в кармане

понимает, что милиция не приедет по вызову, у него срывает внутренние тормоза. Сегодня они безнаказанно травят собак, а завтра, когда им дадут команду, начнут травить тех людей, которые им мешают.

Он резко потянулся к ключу зажигания.

— Всё, Аня. Наш лимит времени исчерпан. Разговор окончен. Бумажку свою с таблицами заberi.

Анна молча свернула распечатку и сунула ее глубоко в карман пальто.

— Спасибо за правду, Володя.

— Не за что благодарить. И забудь мой номер телефона.

Выйдя из прокуренной машины в ледяную, чавкающую слякоть, журналистка натянула капюшон. «Шкода» следователя мягко тронулась с места, мигнула красными габаритами на повороте и бесследно растворилась в густой пелене мокрого снега.

Узкая улица была совершенно пуста. Свет тусклого муниципального фонаря дробился в черных, маслянистых лужах. Анна достала из кармана мобильный телефон, чтобы вызвать такси. Экран слабо засветился, показывая одно непрочитанное сообщение, пришедшее с неизвестного номера.

Она провела замерзшим, негнувшимся пальцем по стеклу. Текст состоял всего из нескольких слов.

«Любопытство убивает, писательница. Оглядывайся».

Резкий порыв ветра швырнул в лицо горсть колючих, ледяных снежинок. Разрозненных совпадений больше не существовало. Была огромная, отлаженная система, защищенная невидимым административным щитом, и была запертая виртуальная дверь форума с готическим шрифтом, за которой скрывались настоящие ответы. Дверь, которую теперь предстояло взломать любой ценой, пока яд не перестал быть метафорой для людей.

Глава 3. Форум «Вреди»

Вентилятор системного блока натужно завывал, пытаясь прогнать раскаленный воздух сквозь плотные слои пыли на решетке. За окном царил промозглый киевский март 2012 года. Грязный снег неохотно таял под морозящим дождем, превращая дворы в непроходимое месиво, но здесь, на девятом этаже, время измерялось не сменой сезонов, а мерцанием зеленых строк кода на черном фоне терминала.

Максим Люта с силой потер покрасневшие от недосыпа глаза под стеклами очков в тяжелой роговой оправе. Худой, сутулый программист с вечно всклокоченными волосами казался неотъемлемой частью своего рабочего места — конгломерата из трех мониторов, переплетенных проводов и пустых банок из-под энергетиков.

— Аня, ты просишь невозможного, — голос Максима звучал глухо, с хрипотцой человека, который не разговаривал вслух больше суток. — Это не соседский Wi-Fi сломать. Я ковыряю их защиту уже пятый час.

Журналистка сидела на продавленном диване за его спиной, сжимая в руках остывшую кружку. С момента их разговора со следователем Кравченко прошло больше двух месяцев, но ощущение невидимой стены, о которую разбивались любые попытки добиться справедливости, только усилилось. Милиция глухо молчала. Материалы проверок по фактам отравлений один за другим заканчивались постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела — «за отсутствием состава преступления».

— Должен быть какой-то обходной путь, — упрямо произнесла она, ставя кружку на шаткий журнальный столик. — Пётр говорил, что у них тысячи зарегистрированных пользователей. Такая толпа не может не оставлять цифровых следов. Кто-то обязательно ошибается.

Пальцы программиста снова застучали по механической клавиатуре. Звук напоминал пулеметную очередь.

— Пётр твой — теоретик, — огрызнулся Максим, не отрывая взгляда от центрального экрана. — А эти ребята выстроили параноидальную архитектуру. Форум «Вреди» не индексируется поисковиками. Регистрация только по инвайтам. Прямого доступа к базе данных нет, порты закрыты, фаерволы настроены так, будто там хранятся коды запуска ядерных ракет.

Стул жалобно скрипнул, когда хозяин квартиры резко откинулся на спинку.

— Но ты права в одном. Человеческий фактор — самая слабая уязвимость любой системы. Если нельзя пробить парадную дверь, нужно искать того, кто потерял ключи от черного хода.

На правом мониторе открылось окно почтового клиента. Максим запустил скрипт, который начал стремительно перебирать массивы данных.

— Три дня назад на одном хакерском даркнет-ресурсе выложили дампы взломанных почтовых ящиков с крупного российского почтовика. Я написал простенький парсер, чтобы искать там совпадения по домену этого их живодерского форума. И, кажется, мы поймали крупную рыбу.

На экране высветилась одинокая строка. Адрес электронной почты, состоящий из бессмысленного набора цифр и букв.

— Один из модераторов форума имел неосторожность привязать свой рабочий аккаунт к этому ящику для получения системных уведомлений. И его пароль оказался в слитой базе.

Максим быстро ввел скопированные данные в форму авторизации через анонимный прокси-сервер. Система на секунду задумалась, проверяя подлинность токена, а затем интерфейс сменился. Вместо привычной страницы входа перед ними развернулась внутренняя панель управления.

Дыхание Анны перехватило. Она подошла вплотную к креслу Максима, вглядываясь в монитор.

— Мы внутри?

— Мы в прихожей, — поправил программист, быстро кликая по вкладкам. — Это резервная копия базы данных за прошлую неделю. Модератор пересылал ее себе на почту. Идиотизм чистой воды, но нам на руку. Сейчас я разверну этот SQL-дамп на локальном сервере, и мы сможем читать его без подключения к их сети. Так безопаснее.

Пока ползла полоса загрузки, Максим открыл соседнюю вкладку с технической документацией хостинга. Его брови удивленно поползли вверх.

— Интересно. Очень интересно.

— Что там?

— Я смотрю метаданные писем с квитанциями об оплате серверов. Форум зарегистрирован на анонимный хостинг, физически расположенный где-то в офшорной зоне. Но главное — способ оплаты. Они ежемесячно переводят деньги через криптовалюту. Биткоины.

В 2012 году слово «биткоин» звучало исключительно в узких кругах криптоанархистов и теневых дельцов. Для обывателя это была непостижимая абстракция.

— Это дорого? — спросила Анна, пытаясь оценить масштаб финансирования.

— Дело не в цене, а в технологии, — Максим повернулся к ней, и в его глазах читалось профессиональное уважение, смешанное с тревогой. — Это обеспечивает абсолютную финансовую анонимность. Никаких банковских карт, никаких имен, никаких счетов, которые могла бы запросить прокуратура. Обычные хулиганы, которым нечем заняться вечером, не замораживаются с криптокошельками и офшорными серверами. Это требует специфических знаний и системного подхода.

Полоса загрузки на экране достигла ста процентов. База данных развернулась.

Структура форума предстала перед ними как на ладони. Десятки разделов, тысячи тем, сотни тысяч сообщений. Архитектура ресурса поражала своей продуманностью. Здесь не было хаоса. Всё подчинялось строгой, почти военной иерархии.

Максим запустил поиск по IP-адресам администраторского состава. На экране появился список цифровых идентификаторов. Программист прогнал их через сервис геолокации.

— Смотри сюда, — он ткнул пальцем в монитор. — Часть модераторов, которые управляют украинским сегментом форума, физически базируются вообще не в Украине. Вот этот пул адресов... это московский диапазон. Провайдер предоставляет услуги связи в центральном округе Москвы. Они координируют действия киевских групп из другой страны.

География преступления внезапно расширилась, стирая государственные границы. Местные догхантеры, травившие собак на Борщаговке и Оболони, оказались лишь исполнителями низового звена в огромной транснациональной сети.

— Открой списки пользователей, — попросила Анна, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок.

Таблица юзеров содержала странные колонки. Помимо стандартных никнеймов и дат регистрации, там присутствовала графа «Уровень допуска».

— У них тут своя ролевая игра, — прокомментировал Максим, открывая внутренний регламент форума. — Внутренний рейтинг участников.

Текст правил гласил, что каждый новоприбывший получает статус «Щенячий». На этом этапе пользователь не имеет доступа к закрытым обсуждениям. Чтобы повысить статус, он должен доказать свою лояльность.

Анна вчитывалась в строки, и ее охватывал ужас. Для перехода на следующий уровень требовалось выполнить задание: сфотографировать процесс агонии животного и выложить отчет с привязкой к местности. Следующая ступень — «Псовый» — давала доступ к юридической поддержке и инструкциям по конспирации. Высший ранг, «Волчий», присваивался только тем, кто доказал готовность к прямым физическим конфронтациям с владельцами животных и зоозащитниками.

— Это поведенческая репетиция, — тихо произнесла журналистка, вспоминая статьи по криминальной психологии, которые читала во время подготовки материала. — Они не просто убивают. Они отбирают людей. Заставляют их совершать преступления, чтобы повязать круговой порукой. Это классический механизм формирования криминальной группы.

— Подожди, тут есть кое-что еще хуже, — Максим открыл раздел файлового архива.

В прикрепленных документах раз за разом мелькал файл в формате PDF. В переписках пользователи благоговейно называли его «книжка от профессора». Официальное название файла гласило: «Санитария общества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.